

АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Охунов Зафар Мамуржон угли

Ведущий научный сотрудник

Центра методического обеспечения

деятельности органов внутренних

дел Академии МВД, майор

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18812802>

Аннотация. В данной статье анализируется состояние института освобождения от административной ответственности в действующем законодательстве, его правовая природа и проблемы в правоприменительной практике. Также проведен сравнительный анализ опыта зарубежных стран по освобождению от административной ответственности, раскрыты различные правовые модели на примере законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь и других государств. Выводы и предложения, изложенные в статье, направлены на совершенствование законодательства об административных правонарушениях и обеспечение единообразия в правоприменительной практике.

Ключевые слова. Административная ответственность, освобождение от административной ответственности, деятельное раскаяние, малозначительность, примирение сторон, сроки привлечения к ответственности, жертвы торговли людьми, сравнительно-правовой анализ, правоприменительная практика, совершенствование законодательства.

Институт административной ответственности играет важную роль в обеспечении правопорядка, охране общественной безопасности и предупреждении правонарушений. Вместе с тем данный институт должен развиваться не только как карательный механизм, но и как дифференцированное, справедливое и гуманное средство правового воздействия. Это требует четкого, системного и логически обоснованного определения оснований и условий освобождения от административной ответственности.

Анализ действующего административного законодательства показывает, что виды и основания освобождения от административной ответственности в ряде случаев недостаточно четко и системно урегулированы. В результате в правоприменительной практике наблюдаются случаи смешанного применения различных правовых институтов, таких как «малозначительность», примирение сторон, раскаяние в содеянном, а также неопределенность границ между ними и их различное толкование. Это негативно сказывается на принципах правовой определенности, справедливости и единообразия в административном производстве.

Это проявляется в следующем.

Во-первых, в действующем законодательстве недостаточно четко определены виды и основания освобождения от административной ответственности. Это приводит к различным недоразумениям и формированию неправильной практики в правоприменении. Поэтому необходимо пересмотреть и уточнить эти основания.

В Кодексе об административной ответственности в качестве видов освобождения от административной ответственности определены примирение сторон, малозначительность деяния, амнистия, истечение срока привлечения к административной ответственности, отмена акта, устанавливающего административную ответственность, а также отдельные правонарушения, предусматривающие освобождение от административной ответственности в нормах особенной части.

Однако анализ правоприменительной практики показывает, что по делам об административных правонарушениях в случаях, когда лицо фактически раскаялось в содеянном, дело прекращается судами на основании статьи 21 КоАО (малозначительность правонарушения) или примирения сторон. На первый взгляд, эта практика кажется правильной. Однако это два самостоятельных института: малозначительность основывается на относительно низкой общественной опасности деяния, а примирение - на желании потерпевшего. «Фактическое раскаяние» же является воспитательным механизмом, направленным на положительное влияние на последующее поведение правонарушителя. Их смешение приводит к неточностям в правовой логике и статистике.

Несомненно, это новое основание для освобождения от административной ответственности будет очень полезным в правоприменительной практике, если оно будет содержательно четким и будет иметь определенные критерии и условия. Например, «фактическое раскаяние» может применяться в случаях, когда одновременно существуют следующие условия:

- добровольное прекращение правонарушения;
- полное возмещение причиненного ущерба или устранение последствий;
- добровольное обращение правонарушителя в соответствующие органы и активное содействие в раскрытии правонарушения;
- совершение правонарушения впервые.

Фактическое раскаяние в содеянном, в отличие от примирения, опирается не на волю потерпевшего, а на конструктивные действия виновного, а в отличие от малозначительности, направлено не на оценку опасности, а на устранение последствий и исправление поведения правонарушителя.

Статья 67 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, действовавшего до 2013 года [1], называлась «Освобождение от административной ответственности в связи с чистосердечным раскаянием». Согласно ей, лицо, впервые совершившее административное правонарушение, могло быть освобождено от административной ответственности судьей, органом (должностным лицом), уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, если оно добровольно возместило причиненный ущерб после совершения правонарушения или иным образом устранило вред, причиненный правонарушением.

Примечательно, что статья 68 данного кодекса называлась «Освобождение от административной ответственности при малозначительности правонарушения», в которой в качестве основного критерия признания правонарушения «малозначительным» указывалось, что меры наказания, предусмотренные статьями

особенной части, превышают размер ущерба, причиненного в результате административного правонарушения.

Впоследствии исключение статьи 67 из Кодекса об административных правонарушениях этой страны привело к формированию различных негативных мнений среди ученых. В частности, К. Дуйсембиев выступил против исключения из Кодекса об административных правонарушениях норм, определяющих порядок освобождения от административной ответственности в связи с раскаянием, заявив, что доводы законодателей о подверженности данной статье коррупции, отсутствии четкой дифференциации и регламентации критериев применения, различном толковании и неодинаковом применении этих норм по аналогичным делам недостаточно убедительны, поскольку аналогичные вопросы возникают и в уголовных делах, и, напротив, необходимо улучшить критерии и редакцию данной нормы [2].

Армению (ст. 32) также можно включить в число государств, где раскаяние закреплено в Кодексе об административных правонарушениях как самостоятельное основание для освобождения от административной ответственности. В ряде других стран СНГ (Российская Федерация, Беларусь, Украина, Азербайджан, Кыргызстан и Таджикистан) «раскаяние» признано смягчающим обстоятельством или отражено в диспозиции в качестве дополнительного условия в отдельных специальных статьях, но не закреплено в качестве самостоятельного основания.

По мнению Р. Подопригоры, необходимо переименовать термин «активное раскаяние» в «раскаяние» и связывать его не только с возмещением или устранением ущерба, но и с другими формами извинений и осознания незаконности поведения [3].

Кроме того, ряд ученых обосновывают необходимость пересмотра оснований освобождения от административной ответственности. В частности, П.И. Кононов [4] выдвинул идеи, близкие к «фактическому раскаянию в содеянном», такие как необходимость гуманизации и дифференциации системы административной ответственности, расширение оснований для освобождения. Также Супонина Е.А. и Долгих И.П. [5] предлагают в качестве основных критериев систематизацию оснований освобождения от административной ответственности, разработку нормативных стандартов по основаниям освобождения от ответственности в разрезе судов и других правоохранительных органов, признание вины и добровольное возмещение ущерба в качестве признаков активного раскаяния.

С.М. Зырянов [6], предлагая в качестве специальных условий освобождения для юридических лиц добровольное сообщение о правонарушении, возмещение ущерба, принятие мер комплаенса, по существу поддерживает логику «активного раскаяния» в сфере административного права.

Во-вторых, обратим внимание на еще один важный вопрос. В ситуациях, когда потерпевший становится жертвой торговли людьми и совершает определенный вид правонарушения независимо от себя, должностные лица или суды, рассматривающие дело, в большинстве случаев оставляют открытой ту часть, которая касается данного деяния правонарушителя. Это происходит потому, что в административном законодательстве отсутствуют правовые основания для освобождения лица от административной ответственности в таких случаях.

Каков опыт зарубежных стран в этом отношении?

Сравнительный анализ законодательства зарубежных стран показывает, что в странах СНГ механизм освобождения жертв торговли людьми от административной ответственности выражен в различных правовых формах.

Например, на примере **Республики Беларусь** [7] данное основание отдельно закреплено в качестве самостоятельной статьи (ст. 8.7) в общей части Кодекса об административных правонарушениях. То есть, если лицо стало жертвой торговли людьми и в связи с этим совершило административное правонарушение, оно освобождается от административной ответственности. Это означает, что данное основание освобождения закреплено на уровне кодекса.

В опыте **Российской Федерации, Армении, Азербайджана, Молдовы и Украины** это основание закреплено в отдельных законах «О противодействии торговле людьми». Эти законы гарантируют освобождение потерпевших не только от уголовной и гражданской ответственности, но и от административной. Хотя основание для освобождения закреплено в специальных законах, оно полностью применяется в правоприменительной практике при ведении административных дел. Эта ситуация требует более широкого подхода к защите правового статуса жертв торговли людьми в правовой системе.

В **Республике Казахстан** понятие «жертва торговли людьми» прямо не упоминается на уровне кодекса. Однако общие нормы, исключаящие производство по делу (например, отсутствие вины лица или совершение деяния в состоянии принуждения), также обеспечивают освобождение данной категории лиц от административной ответственности. Следовательно, в Республике Казахстан существует правовая защита лиц, совершивших правонарушения в случае торговли людьми, но она обеспечивается не специальной нормой, а общими нормами.

Согласно сравнительно-аналитическому заключению, белорусская модель имеет относительно совершенную и четкую систему, а анализируемое основание регулируется самостоятельными нормами. Основание освобождения жертв торговли людьми от административной ответственности постепенно закрепляется как универсальный принцип и в странах СНГ, только его правовая форма и способ выражения остаются различными.

Международные организации также поддерживают эту идею и уделяют ей особое внимание в своих рекомендациях. Например, в статье под названием «2024 Trafficking in Persons Report: Kazakhstan» [8], опубликованной на официальном веб-портале Государственного департамента США на период 2021-2025 годов, подчеркивается, что обеспечение того, чтобы жертвы торговли людьми не подвергались необоснованному наказанию за вынужденные незаконные деяния, является важной задачей государства в обеспечении правовых гарантий.

В статье, опубликованной Ореховой М.О. [9], отмечается, что при освобождении от административной ответственности жертв преступлений, связанных с торговлей людьми, следует учитывать правовой статус жертвы, устанавливать прямую причинно-следственную связь правонарушения, совершенного жертвой, с «условиями эксплуатации/торговли людьми», а доказательства должны быть достаточными и убедительными.

Статья 27 Закона Республики Узбекистан от 17 августа 2020 года № ЗРУ-633 «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан «О противодействии торговле людьми» [10] предусматривает, что жертвы торговли людьми освобождаются от гражданской, административной и уголовной ответственности в порядке, установленном законодательством Республики Узбекистан, за деяния, совершенные под принуждением или угрозой. Однако в Кодексе об административной ответственности, регулирующем отношения, связанные с административными правонарушениями, это требование не закреплено в качестве основания для освобождения от административной ответственности.

Исходя из вышеизложенного, освобождение лица от административной ответственности в связи с фактическим раскаянием в содеянном должно быть зафиксировано в кодексе как отдельный вид освобождения от административной ответственности. Потому что закрепление «фактического раскаяния» в качестве самостоятельного основания освобождения целесообразно как с доктринальной, так и с практической точки зрения.

В-третьих, еще одна проблема проявляется в освобождении лица, совершившего административное правонарушение, от административного взыскания в связи с истечением срока давности привлечения его к ответственности. Статья 36 Кодекса об административных правонарушениях называется «Сроки применения административного взыскания». Согласно статье 271 КоАП, если сроки, предусмотренные статьей 36, истекли, правонарушителя нельзя привлечь к административному взысканию, обратите внимание, **не к административной ответственности, а к административному взысканию**. Потому что в статье 36 указаны сроки применения административного взыскания.

На наш взгляд, проблема здесь не в сроках привлечения к ответственности, а в формулировке текста закона. То есть, когда предусмотрено освобождение лица от наказания, а не от ответственности в связи с истечением срока давности привлечения к ответственности.

Формально верно (поскольку производство по делу прекращается в связи с процессуальным требованием), что по истечении срока «не может быть применено административное взыскание», но стилистически написание «неприменение взыскания», а не «освобождение от ответственности», может привести к следующим неточностям в правоприменительной практике:

Если в решениях указано «освобождается от наказания», читатель (например, сотрудники, готовящие отчеты) может прийти к выводу, что лицо «*привлечено к ответственности, но не наказано*». Это не полностью отражает правовые последствия освобождения (прекращение состояния правовой виновности);

при оценке отдельных видов правонарушений решающее значение имеет факт предыдущего привлечения лица к ответственности. Неправильное толкование отметки «освобожден от наказания» может привести к вводящим в заблуждение выводам о том, что «*ранее был привлечен к ответственности, но освобожден*» и может привести к необоснованному ужесточению наказания;

в уголовном праве истечение срока давности привлечения к ответственности называется **«освобождением от ответственности»**. В административном праве особенность формулировки вызывает у общественности вопрос: *«сохраняется ли вина?»*

Статья 64 Уголовного кодекса и статья 84 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан также предусматривают, что лицо освобождается от **ответственности (обратите внимание!, а не от наказания)** в случае истечения срока давности привлечения к ответственности.

Сравнительный анализ административного законодательства зарубежных стран выявил следующее. В административном законодательстве стран СНГ и Балтии основание «истечение срока» освобождения от ответственности выражено через различные лексические конструкции. Эти различия очевидны не только в правовом содержании, но и в словах в тексте закона.

Законы Российской Федерации, Беларуси, Украины и Латвии гласят, что *«производство по делу не может быть начато, начатое прекращается»*. Это выражение подчеркивает завершение процесса, а не наказание. То есть, дело о правонарушении, по которому истек срок давности привлечения к ответственности, прекращается, вопрос об ответственности автоматически устраняется. По нашему мнению, эта модель практически удобна, как и наша, но терминологически вызывает неопределенность.

В законодательстве Кыргызстана, Армении и Литвы выбрано иное направление: в законодательстве этих стран указаны предельные сроки, в течение которых может быть применено наказание. Хотя лексически это подчеркивает наказание, на практике это подразумевает прекращение ответственности. Следовательно, после истечения срока наказание не назначается. Эта модель проста, но из-за чрезмерного акцента на «наказании» не полностью отражает правовые последствия.

В кодексах Республики Казахстан (ст. 62), Азербайджана (ст. 38), Молдовы (ст. 30) этот вопрос решается несколько иначе. В административном законодательстве этих стран можно увидеть предлагаемую нами идею. То есть в их административном законодательстве четко и ясно используется лексическое выражение «лицо освобождается от ответственности» или «не привлекается к ответственности». В этой модели понятие ответственности ставится в центр правового механизма.

Исходя из вышеизложенного, законодательный стиль упомянутых стран можно разделить на следующие три модели:

процессуальный подход к фиксации текста, то есть подход, в котором указывается на прекращение общего производства, а не на освобождение от наказания или ответственности (Россия, Беларусь, Украина, Латвия);

подход с указанием в тексте «наказание не применяется» (Кыргызстан, Армения, Литва);

подход с указанием «освобождается от ответственности» или «не привлекается к ответственности», при котором правовые последствия вины полностью устраняются (Казахстан, Азербайджан, Молдова).

На наш взгляд, в законодательстве Республики Узбекистан было бы целесообразным применить именно третье направление, то есть модель «освобождения от ответственности.» Потому что в административном процессе сначала решается вопрос об ответственности, а наказание применяется только после этого. Поэтому в

тексте не выражение «наказание не применяется», а четкая формулировка «лицо освобождается от ответственности» обеспечивает ясность в законодательстве и единообразии на практике.

Кратко говоря, проблема заключается не в правовой природе срока, а в **стиле его изложения**. По нашему мнению, путем внесения изменений в текст статей 36 и 271 КоАО, предусматривающих **«освобождение от ответственности и прекращение дела»** можно добиться правовой определенности и единообразия в практике.

Использованная литература:

1. Кодекс Республики Казахстан об Административных правонарушениях (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.07.2013 г.). https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31416487. (Дата обращения к электронному источнику: 18.09.2025)
2. Дуйсембиев К. Дифференциация и индивидуализация взысканий. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31532433. (Дата обращения к электронному источнику: 18.09.2025)
3. Кайдаров А. Анализ КоАП на предмет коррупционности его норм. (Дата обращения к электронному источнику: 18.09.2025)
4. Кононов П.И. О некоторых актуальных направлениях модернизации законодательства Российской Федерации об административной ответственности. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aktualnyh>. (Дата обращения к электронному источнику: 18.09.2025)
5. Супонина Е.А., Долгих И.П. Институт освобождения от административной ответственности: теоретические и законодательные проблемы. <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/63256>. (Дата обращения к электронному источнику: 18.09.2025)
6. С.М. Зырянов. Административная ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya->. (Дата обращения к электронному источнику: 18.09.2025)
7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. <https://etalonline.by/document/?regnum=hk0300194>. (Дата обращения к электронному источнику: 1.10.2025)
8. 2024 Trafficking in Persons Report: Kazakhstan. <https://2021-2025.state.gov/reports/2024-trafficking-in-persons-report/Kazakhstan>. (Дата обращения к электронному источнику: 1.10.2025)
9. Орехова М. О. Освобождение от административной ответственности жертв торговли людьми: характеристика и перспективы развития. <https://elib.grsu.by/doc/124562>. (Дата обращения к электронному источнику: 1.10.2025)
10. Закон Республики Узбекистан от 17 августа 2020 года № ЗРУ-633 «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан «О противодействии торговле людьми»». <https://www.lex.uz/docs/4953314>. (Дата обращения к электронному источнику: 1.10.2025)